

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ричард Пайпс родился 11 июля 1923 года в польском городе Цешин, в ассимилированной еврейской семье, придерживавшейся польских и немецких культурных традиций. Пайпс-старший, бывший польский легионер, занимался коммерцией. Вторжение немецких войск застало семью в Варшаве, и шестнадцатилетний Ричард собственными глазами видел торжественный проезд Адольфа Гитлера по Маршалковской улице. Через неделю Пайпсы выехали за границу, и в 1940 году добрались до США, где Ричард обучался в колледже Маскингам (штат Огайо). В 1943 году Ричард Пайпс поступил на службу в ВВС, что позволило ему принять гражданство США по упрощенной процедуре. Военной специализацией Пайпса была разведка и допрос пленных, он часто выступал в роли переводчика и даже проходил службу на военной базе американских ВВС в Полтаве, где стажировался в переводах с русского языка. После демобилизации в звании лейтенанта Ричард Пайпс продолжил свое образование сначала в Корнелльском, затем в Гарвардском университете.

Научным руководителем Пайпса стал крупнейший из русистов США Михаил Михайлович Карпович. Еще до защиты докторской диссертации Пайпс занялся преподавательской работой, и в 1958 году он стал профессором Гарвардского университета.

В 1968 году Ричард Пайпс возглавил Исследовательский центр по изучению России в Гарвардском Университете, а в 1973 году стал главным консультантом Института исследования России при Университете Стэнфорда. Одним из ключевых событий его политической и научной карьеры стало проведение в 1976 году независимой экспертизы по оценке угроз, исходящих от Советского Союза. Ричард Пайпс по рекомендации тогдашнего главы ЦРУ Джорджа Буша возглавил команду «Б», которую сформировал из гражданских экспертов и отставных военных. Команде «Б» удалось доказать, что оценки экспертов команды «А», составленной из аналитиков ЦРУ, недооценивают и не точно интерпретируют как советскую военную стратегию, так и рост валового национального продукта СССР. В частности, Пайпсом и его командой были отмечены создание атомных подводных лодок, использующих акустическую систему, и других новых видов военной техники, что инициировало новый виток гонки вооружений.

В семидесятые годы Ричард Пайпс был советником сенатора Генри Джексона, а в 1981 году стал членом Совета национальной безопасности.

* * *

Ричард Пайпс написал множество книг, посвященных истории России. Его взгляды также можно проследить по многочисленным интервью в прессе.

Основой взглядов Пайпса на историю является его понимание о пути России, отличном от траектории развития европейских стран. Так, исследуя феномен Октябрьской революции и становления коммунистического режима, Пайпс приходит к выводу о том, что истоки коммунизма можно проследить в далеком прошлом России. Так, по мнению Пайпса, жители средневековой Московии не имели

представления о частной собственности, и этим радикально отличались от жителей всех европейских стран. Единственным реальным собственником в Московии был только Великий князь (с XVI века — царь). Царь мог по своему усмотрению распоряжаться не только казенным имуществом, но и имуществом подданных.

Р. Пайпс пишет: «Россия принадлежит *par excellence* к той категории государств, которые... обычно определяют как „вотчинные“ (*patrimonial*). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно сувереном государства и его собственником».

Р. Пайпс считает, что самобытность правового развития России, такая его черта, как правовой нигилизм, обусловливались неразвитостью основных институтов феодализма, а «хроническое российское беззаконие, особенно в отношениях между стоящими у власти и их подчиненными, проистекает из-за отсутствия какой-либо договорной традиции, вроде той, что была заложена в Западной Европе вассалитетом».

Специфический характер собственности в Московии, по мнению Пайпса, привел к тому, что в России сформировалась особая национальная культура, фундаментальные ценности которой отличались от ценностей западной цивилизации. Р. Пайпс пишет: «Приняв восточный вариант христианства, Россия отгородилась от столбовой дороги христианской цивилизации, которая вела на Запад».

При этом, согласно Пайпсу, российская либеральная традиция оказывается «ничуть не менее древней, чем традиция самодержавия».

Пайпс считал, что российская государственность вступила в полосу кризиса после того, как в XIX веке царское правительство предприняло ограниченную попытку ка-

питалистической модернизации, не попытавшись изменить базовую, патримониальную структуру российского общества. В таком патримониальном обществе частное предпринимательство было инородным элементом. Форсированное развитие капиталистических отношений во второй половине XIX — начале XX веков привело к нарастанию противоречий в российском обществе, которые вылились в революцию 1917 года. В силу того, что у абсолютного большинства жителей России отсутствовали какие-либо представления о праве на частную собственность, им было относительно несложно «принять» коммунистический строй.

Исследуя природу советской власти, Ричард Пайпс увидел сходство между Советским Союзом и нацистской Германией. Более того, Пайпс предлагает считать советский режим и режим нацистов в Германии фундаментально родственными политическими режимами, которые проводили похожую внутреннюю и внешнюю политику, и на определенном этапе, как он считал, активно сотрудничали между собой. В своей книге «Россия под большевиками» Пайпс высказывает мысль о том, что и Германия при Гитлере, и Италия при Муссолини, и Советский Союз представляли собой тоталитарные режимы, которые объединяло отрицание демократии и прав человека.

* * *

Ричарда Пайпса называли одной из ключевых фигур антисоветской политики США в семидесятых и восьмидесятых годах. Он был убежденным противником «разрядки». После крушения коммунистических режимов в Европе и СССР, Пайпс в 1992 году выступал в качестве эксперта на процессе Российского конституционного суда против КПСС, в результате которого была приостановлена дея-

тельность коммунистической партии и распущены ее руководящие структуры.

В настоящее время Ричард Пайпс продолжает сотрудничество с Фондом памяти жертв коммунизма и Институтом Хадсона.

Кроме того, Пайпс принимает участие в работе клуба «Валдай», а также в работе «Форума России» и международных конференциях ВШЭ. Он считает основной миссией Запада убеждение россиян в ценности таких институтов, как демократия, верховенство права, свобода слова, многопартийность, уважение к частной собственности.

ДВЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Почему в России популярен Сталин

Во взаимоотношениях между суверенными государствами крайне важным является понимание культуры той страны, с которой ты ведешь дела. Без такого понимания могут возникнуть трагические последствия. Если бы японцы в 1941 году поняли психологию американцев, они бы ни за что не стали нападать на Перл-Харбор в тщетной надежде на то, что потеряв основную часть своего тихоокеанского флота, Соединенные Штаты запросят мира. Точно так же и немцы не стали бы нападать на Советский Союз, если бы они знали, как русские обычно реагируют на вторжение зарубежных «нечестивцев».

У меня такое ощущение, что западные политики совершенно не пытаются понять менталитет российского народа и его руководителей. Однако у нас есть масса данных от опросов общественного мнения и заявлений российских политиков, из которых видно, чего они хотят и чего боятся.

Например, русские страстно хотят обладать статусом великой державы. Они ощущают, что имеют право на такой статус, поскольку Россия обладает самой большой в мире территорией, которая охватывает большую часть Евразии и простирается от Балтийского моря до Тихого океана. Второй составляющей российского статуса великой державы являются ее величайшие достижения, такие как победа над германской армией во Второй мировой войне и первый полет человека в космос.

Поразительная популярность такого чудовища, как Сталин, объясняется главным образом тем, что он превратил Россию в ту силу, которую все в мире уважали — потому что боялись. Стремление называться великой державой обретает навязчивые формы, особенно по той причине, что русские в глубине души подозревают: их претензии на такой статус сомнительны, и Россия на деле не является великой державой с экономической, политической и военной точек зрения. Эта навязчивая идея компенсирует тот комплекс неполноценности, от которого страдает большинство россиян, когда они сравнивают себя с настоящими великими державами, в первую очередь, с США.

Из-за этого комплекса неполноценности очень важно относиться к русским с уважением и принимать во внимание их мнение. Столь же важно понять, что скрывается за их попытками играть роль «помехи» в международных делах. Когда Кремль говорит «нет» инициативам Запада, русские ощущают, что их страна действительно мировая держава. Их неудержимая ярость в связи с поведением Запада в Косово, например, объясняется недовольством тем, что пожелания России проигнорировали.

Есть еще один фактор из сферы культуры, который необходимо учитывать при общении с русскими. Это их имперская традиция. Одна из выдающихся особенностей исторического развития России состоит в том, что рост ее как государства-нации (Московское государство) происходил одновременно с развитием ее империи. Когда Иван Грозный в 16-м веке покорил Казань и Астрахань, получив в свое подданство мусульман и открыв ворота в Сибирь, российское государство лишь начинало процесс сращивания и укрупнения. Это отличало его от ситуации в Западной Европе, где захват колоний происходил после образования государств. В результате западные державы, теряя свои колонии, не испытывали чувства утраты националь-

ной идентичности. Для России же потеря ее колониальных владений в 1991 году стала гораздо более болезненным событием. По сей день кончина российской/советской империи является трагическим эпизодом для россиян, и это не имеет никакого отношения к коммунизму. Многие россияне по-прежнему считают Украину, Кавказ и Центральную Азию неотъемлемой частью российских владений.

Все это означает, что зарубежные державы должны проявлять огромную осторожность, посягая на данные регионы. Американский президент Барак Обама был прав, когда подчеркнул во время саммита на прошлой неделе, что бывшие советские республики являются сейчас независимыми государствами, и поэтому они могут проводить такую внешнюю политику, которая им нужна. Тем не менее, верно и то, что Соединенные Штаты, где родилась «доктрина Монро» в отношении американского континента, должны с уважением относиться к чувствительности России в этом плане. Опросы общественного мнения показывают, что большинство россиян считает НАТО враждебной силой. По этой причине опасно предлагать бывшим советским республикам вступить в НАТО, и это особенно верно в отношении Украины. Если Киев все-таки вступит в североатлантический альянс, вполне возможно, что Кремль со всей серьезностью задумается об ответной военной интервенции.

С другой стороны, я не советую Вашингтону уступать Москве во всех вопросах, относящихся, как говорят ее лидеры, к их «привилегированной сфере влияния». Предложение о размещении элементов системы противоракетной обороны в Польше и Чехии, например, соответствует интересам безопасности США, и его надо претворять в жизнь. Некоторые военные представители из числа тех, кто не следует послушно кремлевской линии (генерал Владимир Дворкин, например), открыто признают, что 10 ра-

кет-перехватчиков и радиолокационная система в Центральной Европе не угрожает и не может угрожать безопасности России.

Соединенные Штаты Америки должны без колебаний осудить российское вторжение в Грузию и фиктивную «независимость» Южной Осетии и Абхазии. Они должны критиковать Россию, когда та нарушает правила цивилизованного поведения внутри страны и за рубежом. В то же время, мы должны понимать чувствительность россиян и не раздражать их без нужды своими словами и поступками.

(«The Moscow Times», 21 июля 2009 г.)

Какой модели должна следовать Россия?

*(из выступления Р. Пайпса на «круглом столе»
Фонда «Либеральная миссия», Москва, 27 июля 2009 г.)*

Я готовился выступить кратко. Думал, что будет круглый стол и дискуссия между четырьмя-пятью собравшимися, включая меня. Я не ожидал увидеть столь большую аудиторию. Спасибо. Меня попросили выступить на тему «Старая и новая Россия». На мой взгляд, это предполагает рассказ о неразрывности между Россией старой и новой. То есть между царской Россией, советской Россией и постсоветской Россией.

Разрешите мне начать с того, что в любой стране культура изменяется очень медленно. Я видел как-то документальный фильм о Галапагосских островах, где в XIX веке бывал Чарльз Дарвин. Там рассказывалось о том, как дружелюбны были животные по отношению к людям, поскольку на животных здесь никогда не охотились, их не ранили. Единственное исключение — тюлени. Как только тюлени

видели людей, они бежали с берега в воду. Причина в том, что с начала XVII века на них охотились. Таким образом, у этих животных выработалась коллективная память. У людей также есть коллективная память. Основное отличие между, скажем, россиянами и поляками, французами, американцами, состоит в коллективной памяти пережитого.

Разрешите мне вспомнить некоторые взаимосвязи в российской истории. Прежде всего, я хотел бы упомянуть религию и тот факт, что Россия, в противоположность Европе и Америке (которая является, конечно, наследницей Европы), получила свою религию не от Рима, а от Византии. Начиная со Средних веков, православная церковь говорила россиянам, что Запад — еретик и потому от дьявола. И это условия, в которых формировалось российское отношение к Западу. Россия — это Европа, но в то же самое время Россия — это анти-Европа. Здесь кроется большое противоречие.

Поэтому, если проанализировать опросы современных россиян, на вопрос «Чувствуете ли вы себя европейцем?», может быть, 15% скажут «да», а 70% скажут «нет». «Должна ли Россия следовать европейскому пути?» — «Нет». Так по какому пути она должна следовать? Они не знают.

Какой модели должна следовать Россия? Россия, очевидно, не восточная страна. Россия не Китай. Россия не Индия. Россия не Монголия. И это создает чувство изоляции от остального мира. Так было в XV веке, в XIX веке, в XX веке и по-прежнему дело обстоит так сегодня.

Для России это ужасная проблема, поскольку она означает отсутствие модели, которой страна могла бы следовать. За исключением ее собственной «российской» модели. Развиваясь таким образом, Россия заимствует западные технологии и т. д. Я имею в виду, что когда вы находитесь в Москве, вы не замечаете сильных отличий от Нью-Дели

или от Европы. При этом ментальность такова, что Россия не хочет быть Европой.

Второй фактор, который я хотел бы отметить, это понятие «великой державы». Россия есть, была и всегда будет «великой державой». Что неправда: Россия — великая страна, но не великая держава. Это также создает проблемы, потому что Россия сегодня находится в конфронтации с западным миром, она настаивает на том, чтобы с ней обходились как с великой державой, что, на самом деле, не соответствует реальности ни в политическом, ни в экономическом, ни даже в военном отношении.

С целью найти себя как великую державу, Россия должна сегодня противодействовать всему, чего хочет Запад. Если Америка и Европа хотят чего-то, Россия, чтобы оставаться «великой державой», говорит «нет», потому что она не хочет делать так, как на том настаивают другие великие державы. Это второй результат прошлого России.

Третий результат — убежденность в том, что Россией нужно управлять авторитарными методами. Недавно президент Медведев заметил (по-моему, в журнале «Итоги»): «Россия не может быть парламентской демократией, потому что мы немедленно развалимся».

То же самое было сказано царем Александром II в 1860 году. Когда его попросили подписать Конституцию, он сказал: «Я был бы рад подписать Конституцию прямо сейчас на этом столе, если бы я не был убежден, что в тот же самый момент, как я сделаю это, Россия не развалится». Это другая тенденция, которая насчитывает 150 лет.

Следующий элемент неразрывности — отношение к закону. Я хотел бы процитировать графа Бенкендорфа, который был главой Третьего отделения при Николае I. Журналист по фамилии, кажется, Кушелев пришел к нему сказать, что полиция закрыла его газету. И Бенкендорф ответил страшной фразой: «Закон пишется для подданных, а не для

государства». Это означает, что законы — средство управления, а не средство защиты людей от правительства.

Впервые я побывал в России в 1957 году. Затем приезжал сюда очень часто. Кажется, в 60-х годах, период хрущевского правления, я увидел на улице человека, продающего книги. Среди них была брошюра «Законное право русского гражданина», я купил ее за 20 копеек. Она была посвящена тому, что есть право русского гражданина по отношению к правам других россиян. При этом ни одного слова о том, что есть право российского гражданина по отношению к государству.

Существует множество заимствованных из прошлого традиций. Я хотел бы упомянуть еще одну, связанную с торговой этикой. Торговая этика, которую мы получили из Средних веков, учит, что от любой сделки обе стороны, участвующие в ней, должны выиграть, обе стороны должны получить выгоду. Но российская культура — аграрная. И в понимании аграрной культуры выигрыш одного — это потеря другого. В понимании российской культуры сделка — игра с нулевой суммой. Понимаете?

Я делал акцент на негативных элементах культуры. Конечно, существуют и очень позитивные элементы, которые также передаются в российской культуре. Россияне — теплые люди. Если ты сделал русского другом, он останется другом навсегда. Я американский иммигрант. Я приехал в США в возрасте шестнадцати лет. И я очень часто бываю разочарован Соединенными Штатами. Насколько поверхностными здесь бывают дружеские отношения! Сегодня вы можете быть друзьями, а завтра кто-нибудь переезжает в другой город и — конец дружбе. В России дружеские отношения очень близкие и глубоко личные.

Более того, я восхищаюсь российской интеллигенцией, ее интересами, которые гораздо глубже, чем интересы интеллигенции в моей стране. Только что я был в ма-

газине «Дом книги» и видел множество людей, разглядывающих и покупающих книги, гораздо больше, чем в моей стране. В Соединенных Штатах, если люди покупают книги, это часто поваренные книги, практические руководства и издания того сорта, что не являются ни книгами по истории, ни книгами по философии. С учетом благосостояния моей страны продажи серьезных книг минимальны.

В заключение позвольте мне выразить одно пожелание. Оно связано с самым началом моего выступления — я имею в виду антизападные настроения. Сегодня ни для одной страны, которая хочет оставаться современной, не существует выбора, альтернативного вестернизации. Потому что Запад первым сформировал современный образ жизни. И я надеюсь, что россияне преодолеют свои предрассудки по отношению к Западу. И скажут: «Да, мы европейцы. Мы хотим следовать западному пути, мы хотим развиваться вместе с Западом и быть его частью».

Я готов к вопросам.

Вопрос: Во-первых, исходя из названия лекции, я бы хотел узнать, что в данном контексте на сегодняшний день понимается под «новой Россией», отличающейся от старой? Последний тезис, связанный с Россией как страной, где любят книгу. Многие из нас бывали в США и знают, что представители российской интеллигенции знакомы с американской литературой (причем современной) лучше, чем с ней знакомы представители американской интеллигенции. Тем не менее, вопрос: а не противоречит ли это вашему тезису, что российская политическая культура преимущественно аграрная, в том числе и сейчас?

Ричард Пайпс: Когда я говорю, что ваша культура аграрная, то подразумеваю, что она таковая в экономическом и политическом смысле, а не в культурном.

Вопрос: Доктор Пайпс, вы говорите, что мы, Россия, неизбежно станем европейской страной, и в то же время,

что большинство русских себя европейцами не считает. Как, в таком случае, получится, что мы станем все-таки европейской страной? И сколь долгий путь к этому нам предстоит пройти?

Ричард Пайпс: Это очень долгий процесс, в котором большую роль играет государство: в частности, будут ли ваш президент и премьер говорить о России как о западной стране, где преобладает западная культура, и где установлены прочные связи с Западом. Сегодня этого нет. Сейчас отношение к Западу в России враждебное. Государство может задать иной тон. Но это процесс, требующий времени. Быть может, ста лет.

Вопрос: А я надеюсь лет на десять — пятнадцать. Я оптимистка?

Ричард Пайпс: Что же, быть может и так. Я надеюсь, что вы правы.

Вопрос: Я хотела бы поблагодарить профессора за то, что у нас есть такая уникальная возможность выслушать его. Вопрос у меня следующий. Еще в 1912 году Уинстон Черчилль сказал замечательную фразу, которую в последнее время стали часто вспоминать: «Мы не можем себе позволить быть зависимыми ни от одного единственного маршрута, ни от одного государства, ни от одного производителя. Разнообразие и возможность выбора — вот гарантия безопасности и стабильности». Мне кажется, в этом высказывании заложен глубокий смысл. Невозможно всем ориентироваться на некий универсальный формат. Именно разнообразие дает основу для стабильности и выбора правильного пути в глобальном тренде. А вы сейчас все-таки предложили всем быть не диверсифицированными, а идти по единственному, стандартизированному направлению к западному образу мысли. Как вы прокомментируете это?

Ричард Пайпс: Идея культурного разнообразия — очень хорошая, но не политического разнообразия или экономического разнообразия. Потому что сегодня весь мир един, все в нем связано. Невозможно, чтобы Россия шла собственным путем. Вы старались идти собственным путем во время коммунизма, но это кончилось катастрофой. Экономически сегодня вы находитесь в системе мировых связей, а политически — еще нет.

Мне кажется, вам надо политически объединиться со всем миром. Не только с Америкой и Европой, но и с Индией, и с Японией. Даже Китай идет этим путем. Я трижды был в Китае. Там есть коммунистическое государство, которое диктаторское, антизападное, но жизнь в Китае абсолютно западная. Во всяком случае, в городах (в Пекине). Там молодежь как наша молодежь. И не чувствуется никакой вражды по отношению к Западу.

Вопрос: Вернусь к моему вопросу: я абсолютно убеждена, что экономическая модель трансформируется. Сегодня очевидно, что коммунизм не является способом развития гражданского общества. Но, говоря об общих философских аспектах, — если вы создаете монопольный режим, он не будет стабильным в течение длительного периода, потому что у него нет альтернативы, нет никакой дискуссионной платформы. Вы не можете проверить, насколько устойчиво то, что вы делаете.

Ричард Пайпс: Существуют различные формы западной политической мысли. Вы знаете Швецию — это одна крайность; существуют Соединенные Штаты — другая крайность. Выбор достаточно широк. Но во всех случаях фундаментальная основа этих политических формаций такова: именно люди управляют, именно люди решают, существует многопартийная система, и государство следует закону, а не функционирует на основе собственных законов.